

© 2012 г. Н.М. БИЧУРИНА

**«МАЛЫЕ РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ»:
МЕТАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС
И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ
(на примере окситанского / провансальского
и арпитанского / савойского)**

В статье анализируется современный дискурс вокруг вопроса «язык или диалект» применительно к двум идиомам на юго-востоке Франции: окситанскому / провансальскому и франкопровансальскому / арпитанскому / савойскому. Основным материалом исследования послужили интервью с деятелями ассоциаций, принимающих активное участие в процессе признания «региональных языков» во Франции.

В статье [Naugen 1966], давно ставшей классической, Эйнар Хауген писал, что таксономия языковых описаний сильно затрудняется двусмысленностью и неясностью, связанными со словами «язык» и «диалект». «Простая истина состоит в том, что на этот вопрос не существует ответа, или, по меньшей мере, нет ни одного ответа, который выдержал бы серьезную критику... в самих этих терминах заложена невозможность дать ответ на этот вопрос: эти термины притворяются простой дихотомией в ситуации, которая почти бесконечно сложна... Использование этих терминов навязывает жесткие границы там, где речь чаще всего должна идти о континууме, создает видимость оппозиции там, где на самом деле крайние случаи очень редки и неопределенны» [Naugen 1966: 922].

Настоящая статья посвящена современному состоянию полемики вокруг вопроса «язык или диалект» в применении к так называемым «малым романским языкам» (см. [Языки мира 2001]), а именно к двум идиомам на юго-востоке Франции: окситанскому / провансальскому и франкопровансальскому / арпитанскому / савойскому. На наших глазах происходит «повышение статуса» этих языков, тот «акт социальной магии», о котором тридцать лет назад Пьер Бурдьё писал: «Называть “окситанским” язык, на котором говорят те, кого называют “окситанцами”, потому что они говорят на этом языке (на котором никто, собственно говоря, не говорит, потому что он лишь сумма большого количества различных говоров), и называть “Окситанией”, стремясь таким образом заставить его существовать как “регион” или как “нацию”... физическое пространство, где говорят на этом языке, – не бесплодная фикция. Акт социальной магии, заключающийся в попытке привести к существованию называемой вещи, может быть успешным, если тот, кто его осуществляет, способен заставить признать за своим словом власть, которую оно узурпирует временно или окончательно, – власть навязать новое видение и новое разделение социального мира...» [Bourdieu 1980: 66].

В лингвистике не существует единого мнения о количестве романских языков: «Разделение языковых образований на языки и диалекты в ряде случаев является достаточно условным и остается предметом дискуссий. К числу Р.Я. (романских языков. – Н. Б.), обладающих всей полнотой функций, литературной нормой и структурной обособленностью, относятся французский, испанский, португальский, итальянский и румынский» [Алисова, Челышева 2001: 21]. Значительная часть исследований в современной рома-

нистике проводится на материале этих пяти языков (например [Древняя и Новая Романья 2007; Романские языки 2007]); в то же время существуют работы, сопоставляющие 12 романских языков (например, [Posner 1996]) или около 25 романских языков [Языки мира 2001]. Применительно к идиомам Франции вопрос о разграничении «язык / диалект» вызывает споры со второй половины XX века (ср. [Бородина 1982] об острых дебатах во французской лингвистике вокруг разграничения диалектов и региональных языков), однако особый интерес к этой проблематике появился в самые последние годы.

В настоящее время все новые и новые идиомы по всей Европе и не только претендуют на статус самостоятельных языков и добиваются признания. В частности, значительные изменения статуса идиомов происходят во Франции. Франция известна как страна с последовательной и жесткой языковой политикой. В соответствии с Эдиктом Вилье-Котре 1539 г. и ст. 2 Конституции Французской республики¹ французский является единственным официальным языком государства². Однако 23 июля 2008 г. в Конституцию была внесена поправка: отныне статья 75-1 гласит, что «региональные языки принадлежат культурному достоянию Франции». Впервые во Франции конституционно был закреплен юридический термин «региональный язык». В настоящий момент на государственном уровне готовится проект закона о региональных языках.

В июле 2009 г., спустя год после изменения Конституции, регион Рона-Альпы первым среди прочих регионов официально признал два идиома, окситанский и франкопровансальский, своими «региональными языками»³. Решение было принято на основе исследования М. Берта и Дж. Косты 2006–2009 гг. [Bert et al. 2009]. Исследование было инициировано регионом в ответ на запросы ассоциаций активистов, деятельность которых направлена главным образом на сохранение (или ревитализацию) одного из этих идиомов; активисты входили в совет, следящий за проведением исследования⁴. После региональных выборов 2010 г. началась разработка мер по поддержке окситанского и франкопровансальского в регионе Рона-Альпы: ответственный комитет включает депутатов региональной ассамблеи, представителей Министерства культуры и лингвиста-консультанта (Ж.-Б. Мартен). С марта 2011 г. к участию в работе Комитета также приглашены представители ассоциаций активистов.

Именно дискурс языковых активистов находится в центре нашего исследования. Вопрос, который мы попытаемся осветить в данной работе, – какие аргументы используются ими для утверждения, что тот или иной идиом является самостоятельным языком в современном процессе признания «региональных языков» во Франции.

Основным материалом исследования послужили интервью и наблюдения, проведенные в 2009 и 2011 гг., главным образом в регионе Рона-Альпы, а также в зонах распространения окситанского и франкопровансальского идиомов за его пределами⁵.

¹ <http://www.legifrance.gouv.fr/html/constitution.htm>

² Фраза, гласящая, что «языком Республики является французский», была внесена в статью 2 Конституции Франции в 1992 г. – в тот год, когда Советом Европы была принята Хартия региональных и миноритарных языков. На основании этой статьи Франция отклоняет ратификацию Хартии: в 1999 г. на базе отчета Серкилини [Cerquiglini 2003] был подготовлен список из 75 языков Франции для включения в Хартию, однако Конституционный совет отклонил ее ратификацию в связи с ее противоречием статье 2 Конституции.

³ Rapport № 09.11.450. Culture. Reconnaître, valoriser, promouvoir l'occitan et le francoprovençal, langues régionales de Rhône-Alpes.

⁴ «Активистами», или «языковыми активистами» (самоназвание – «militants»), мы будем называть членов ассоциаций, деятельность которых сосредоточена вокруг местного идиома: как правило, они стремятся добиться большего признания идиома, его сохранения или ревитализации.

⁵ Окситанский: в регионе Рона-Альпы – департаменты Дром (г. Анноне и деревня Давезье) и Ардеш (г. Монтелимар и деревня Толинья), среди носителей окситанского в пригороде Лиона Сан-Приест; в Провансе – на «Окситанских встречах в Провансе» около г. Гапа (участники из разных городов Прованса); в регионе Лангедок-Руссильон – г. Монпелье, один из главных центров окситанизма. Франкопровансальский: в регионе Рона-Альпы – г. Лион, г. Сант-Этьенн и деревня Монбризон в его окрестностях, департаменты Савойя (г. Шамбери и ряд деревень), Верхняя Савойя (г. Аннеси и ряд деревень), Бресс (г. Бурк-ан-Бресс).

Мы рассмотрим несколько аспектов дискуссии, точнее групп аргументов, которые используют языковые активисты: географические аргументы; орфографические; существование литературной традиции; собственно языковые черты; исторические аргументы; а также политические коннотации, связанные с той или иной позицией в дискуссии.

1. ГЕОГРАФИЯ: ЯЗЫК НЕБОЛЬШОЙ ТЕРРИТОРИИ, ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ ИЛИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ОБЩНОСТИ?

Оба признанных идиома, окситанский и франкопровансальский, репрезентируются как языки обширной территории, выходящей за пределы как отдельного региона, так и государства:

- **Окситанский язык** распространен на южной трети территории Франции (регионы Аквитания, Юг – Пиренеи, часть региона Лангедок-Руссильон (часть региона каталанская), Прованс – Лазурный берег; Лимузин, Овернь, Рона-Альпы; часть департамента Шарант в регионе Пуату-Шарант), на севере Испании (долина Аран в Автономной области Каталонии), на северо-западе Италии (некоторые долины Пьемонта, а также селение Гуардиа Пьемонтезе в Калабрии) и в княжестве Монако.

- **Франкопровансальский язык** распространен на юго-востоке Франции (департаменты Савойя, Верхняя Савойя, Лионне, Дофине, Бресс, Форез в регионе Рона-Альпы), в Швейцарии (кантоны Невшатель, Во, Женева, Фрибур и Вале) и на северо-западе Италии (долина Аоста, некоторые долины Пьемонта; также два анклава в Апулии).

Однако при анализе дискурса обнаруживается, что такая репрезентация языковой общности не является единственно возможной. «Наивные» носители по всей Франции идиомы, отличающиеся от стандартного французского, обозначают словом «*patois*» (patois) в значении «говор», часто с ярко выраженной пейоративной коннотацией⁶. При этом использование идиома в представлении носителей ограничивается небольшой территорией (зачастую одной деревней, за пределами которой он считается непонятным).

В противоположность этому представлению в дискурсе активистов изучаемого региона можно выделить две конкурирующие модели наименования языка и сообщества и, соответственно, две группы культурно-политических движений. Условно мы будем называть эти модели «узкой» и «широкой».

«Узкая» модель – названия идиомов по названиям исторических провинций:

1. Провансальский, гасконский, лангедокский...
2. Савойский, лионский (от названия провинции Лионнэ), бресский...

Выделяемые таким образом идиомы считаются самостоятельными языками: самыми яркими примерами являются провансальский и савойский языки (движения в их поддержку наиболее значительные). Постулируемые границы языковой общности, наделенной культурной спецификой, совпадают в «узкой» модели с той или иной исторической провинцией – например Провансом или Савойей (при этом что границы исторических Прованса и Савойи менялись).

«Широкая» модель – введение новых названий:

1. Окситанский язык

Термин «окситанский», хотя и встречается в латинских текстах с конца XIII века, стал широко использоваться лишь со второй половины XX века, когда он был популяризован движением «окситанистов» – главным образом Институтом окситанских исследований (Institut d'Estudis Occitans), созданным в 1945 г.

2. Франкопровансальский / арпиганский язык

Термин «франкопровансальский язык» был придуман в 1873 г. итальянским лингвистом Грациаджо Исайя Асколи, впервые объединившим говоры на франко-итало-швейцарской границе в единый самостоятельный язык [Ascoli 1878 (1873)].

⁶ Это же слово до последнего времени использовалось лингвистами-диалектологами и политиками.

Термин «арпитанский» («горный», однокоренное слово с «Альпами») для обозначения того же идиома появился в 1980-е гг. в долине Аоста и был вначале популяризован там движением *Harpitanya*, а затем, вплоть до настоящего момента, утверждался главным образом во Франции Арпитанским культурным альянсом (*Aliance Culturèla Arpitana*).

«Широкая» модель предполагает существование обширной трансграничной языковой общности, с географическими границами такими, как они указаны в начале данного раздела: Окситания включает в себя часть территории Франции, Италии и Испании; Арпитания – районы Франции, Италии и Швейцарии. Провансальский при этом считается одним из диалектов окситанского языка, а савойский – диалектом франкопровансальского / арпитанского языка.

Предпочтение того или иного названия идиома коррелирует с приверженностью тому или иному культурно-политическому движению. Разумеется, разделение между двумя моделями не всегда жесткое: помимо полярных, «крайних» случаев, существуют активисты, совмещающие в своем дискурсе обе модели (например, активисты, предпочитающие говорить о «савойском языке», но и не отрицающие лингвистического единства франкопровансальского). В рамках данной статьи мы сосредоточимся на анализе двух моделей в их крайних вариантах. Конкурирующие представления об идиоме создали острый конфликт между так называемыми «окситанистами» («широкая» модель) и «провансалистами» («узкая» модель); сходный конфликт «арпитанистов» («широкая» модель) и «савоярдистов» («узкая» модель) лишь намечается в настоящий момент – и еще не изучался⁷.

Если в окситано-провансальском контексте «узкая» провансальская модель была исторически первой по отношению к «широкой» окситанской (движение провансальского возрождения конца XIX века), в арпитано-савойском контексте, напротив, «узкая» савойская модель появилась после «широкой» франкопровансальской, в последние годы. Один из самых видных активистов-савоярдистов, АВ, 1960, *sav*⁸, аргументирует выбор названия «савойский язык» следующим образом:

(1) Мы начали с того, что стали говорить о франкопровансальском, но / это закончилось провалом, не только провалом национальным, который по-прежнему с нами, но и провалом локальным // так что мы сказали себе, что будем говорить о савойском, так, по крайней мере, у нас все будут понимать... в Савойе говорить, что савойцы говорят на савойском, как-то более логично и просто...

⁷ Напротив, в тех единичных случаях, когда идет речь об активистских движениях во франкопровансальской зоне, говорится об их большом разнообразии и отсутствии не только связей между ними, но зачастую и осведомленности друг о друге (см., например, в [Bert et al. 2009: 69]).

⁸ Здесь и далее указываются условные инициалы информанта, примерный год рождения и приверженность тому или иному движению. Мы используем следующие сокращения: *pat.* – провансальский, *prov.* – окситанский, *oc.* – савойский, *sav.* – арпитанский, *arp.* – франкопровансальский, *fr.* Знаками / и // обозначается более короткая и более длинная пауза хезитации соответственно. Подчеркивание обозначает ударение. Полужирным шрифтом выделяются особенно значимые элементы высказывания информанта.

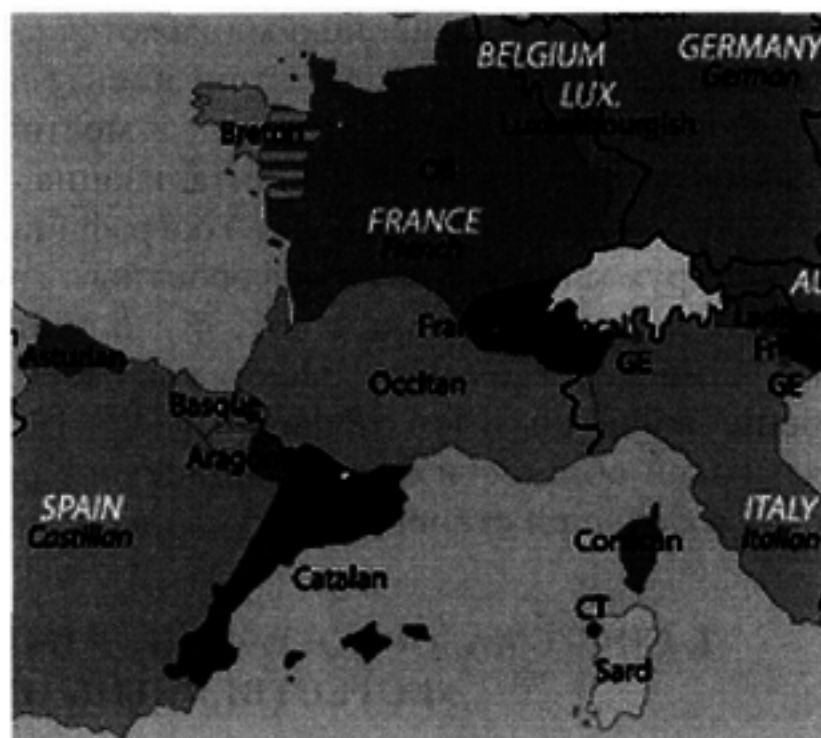

Рис. 1. Окситанский и франкопровансальский на карте Европы (источник: www.eurominority.eu)

Назвать язык «савойским» кажется «логично и просто», тогда как термин «франко-провансальский» не понятен ни носителям языка в Савоие, ни работникам администрации, как государственной, так и местной, – двум референтным группам, от которых зависит его сохранение и ревитализация.

Арпитанисты критикуют географическую ограниченность названия «савойский», апеллируя к тем же двум референтным группам: говоря, с одной стороны, о неприятии такого языка жителями, с другой – в институциональном аспекте – о непризнании языка Министерством образования как «всего лишь маленького языка Ронской долины (*une petite langue du Sillon rhôdanien*)» (EF, 1983, *arp*). Напротив, трансграничное измерение языковой общности служит в дискурсе приверженцев «широкой» модели (у арпитанистов в большей степени, чем у окситанистов) предметом особой гордости.

2. СИСТЕМА ОРФОГРАФИИ: ЯЗЫК «НАРОДНЫЙ» ИЛИ «ЭЛИТАРНЫЙ», «ЕСТЕСТВЕННЫЙ» ИЛИ «ИСКУССТВЕННЫЙ»

Кроме разницы в представлениях о границах языковой общности, основополагающим различием между выделенными моделями является стремление, с одной стороны – в «широкой» модели – к унификации и созданию единого окситанского / арпитанского (франкопровансальского) орфографического стандарта; с другой стороны – в «узкой» модели – напротив, к множеству региональных стандартов (например, провансальскому или савойскому).

Имя идиома оказывается неразрывно связано в представлении информантов с выбором той или иной системы орфографии; выбор же орфографии является маркером принадлежности к тому или иному движению. Продвижение определенной системы орфографии является одним из ключевых моментов активистской деятельности, отчасти потому, что само существование письменности воспринимается многими информантами как доказательство того, что тот или иной идиом является языком⁹.

«Узкая» модель соотносится с орфографией на базе французской, часто называемой «фонетической», так как она кажется информантам «естественной», сродни транскрипции, которая «читается, как пишется»; на самом деле она основана на условностях французской нормы. (Для провансальского используется так называемая «мистралевская орфография», для савойского – «орфография Конфлана»; часть сторонников франкопровансальского языка также использует орфографию Конфлана.) В противоположность ей, «широкая» модель ассоциируется со стандартными орфографиями: для окситанского это «классическая орфография», разработанная Институтом окситанских исследований (воссоздание орфографии средневековых административных текстов), для арпитанского / франкопровансальского – «референтная орфография В» («*orthographe de référence B*», далее – ORB), разработанная лингвистом Домиником Стишем в 2003 г. (см. [Stich 2003]).

Приверженцы «узкой модели» ассоциируют стандартную орфографию с «высокой культурой», которая для них сопоставима с французской – «элитарной», «архаизированной» и «националистической», полностью чуждой «народной культуре». По их мнению, эта орфография несет опасность навязать несуществующий, выдуманный, искусственный язык, который убьет тот живой идиом, который еще сохраняется у старшего поколения в деревнях. Здесь две модели соотносятся, с одной стороны, с противопоставлением «народной» культуры («узкая») и «элитарной» («широкая»), а с другой стороны, с апелляцией либо к недавнему прошлому, кажущемуся вполне реальным (сохранение ускользающих традиций дедов и прадедов – «узкая» модель), либо к далекому, многовековому – воссоздание давно утраченных, мифологизированных языковых прак-

⁹ Кроме того, система орфографии необходима для преподавания языка в школе. Ср.: «Нередко носители [миноритарных романских языков] и, особенно, те, кто активно включился в борьбу за сохранение, поддержание и развитие родных наречий, видят в наличии нормы своего рода панацею от переживаемых языком превратностей и бед» [Челышева 2010].

тик («широкая» модель) – при этом «старики» либо вовсе отсутствуют, либо существуют исключительно как «источник вдохновения».

Приверженец ORB, NV, 1975, *arp*, так комментирует это противостояние:

(2) Действительно, есть парадокс в желании применить стандартизирующую логику к региональным языкам, при том что как раз эта логика их убила. Именно отсюда, несомненно, локалистские реакции. Это проистекает из неспособности понять смысл слогана «думать глобально, действовать локально» (*penser global, agir local*). Локалисты думают локально, действуют локально.

Стандартная орфография репрезентируется как наддиалектная норма, которая, благодаря условностям написания, позволяет «озвучивать» текст с любым локальным произношением и, соответственно, делает его понятным во всей Окситании / Арпитании.

3. ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИДИОМА КАК ЯЗЫКА

Рассматриваемый далее критерий определения идиомов как Языков, являющийся в системе аргументации центральным, позволяет провести разграничение не между «широкой» и «узкой» моделями, а между региональными контекстами: окситано-провансальским, с одной стороны, и арпитано-савойским, с другой.

3.1. Окситанский и провансальский: литературная традиция

Как правило, тезис о том, что окситанский или провансальский и французский – два разных языка, выдается за априорное знание. Существование отдельного провансальского или окситанского языка легитимируется одним и тем же аргументом – существованием древней окситанской культуры. Ф.-М. Кастан, один из основателей Института окситанских исследований, считает существование языка неразрывно связанным с существованием культуры: «Язык *ос* не спасет себя за счет своих языковых сил: лингвистические дебаты не имеют эффекта, это дебаты исключительно спекулятивные... Только культура составляет силу языка» [Castan 1995: 54]. Под культурой подразумевается, прежде всего, существование великой литературной традиции: средневековой литературы трубадуров XI–XIII вв. как источника развития всей европейской литературы и творчества фелибров, участников движения провансальского возрождения Фелибриж XIX в. (в частности Фредерика Мистрала).

Апелляция к культуре и, в частности, литературе постоянна в дискурсе активистов. При этом предпочтение терминов «провансальский» / «окситанский» или «патуа» коррелирует в представлении говорящего с экономическим и культурным статусом носителя, о котором идет речь. Один и тот же идиом, если носитель принадлежит к более образованным слоям, будет назван *про ван с а л ь с к и м*, если к менее образованным – *п а т у а*. MC, 1955, *ос*, активистка, бывший преподаватель английского и окситанского языков:

(3) Мой дедушка всегда говорил на *патуа*, но с нами говорить на нем было нельзя // В Вальреазе, в семи километрах отсюда / с материнской стороны, мою маму воспитала моя бабушка, которая жила с ними, которая никогда не говорила с ней *по-французски*, она говорила только *по-провансальски* //

Употребление терминов «патуа» и «провансальский» информантка и ее супруг, также активист-окситанист и филолог, объясняют как воспроизведение в речи названий, используемых носителями. Супруг информантки GF, 1950, *ос*:

(4) Был очень заметный феномен, который называется *престиж Фелибрижа* // в буржуазных кругах, как у моей супруги... все те, у кого было немножко *местной культуры*, знают *произведения великих фелибров*, Мистрала, Обанеля... тогда как в семьях с *народной культурой*, даже я бы сказал, вообще *без культуры*, как у меня... не знают о Фелибриже //

так что **образованные** (*cultivés*) люди говорили на **провансальском**, а **необразованные** на **патуа**... хотя они говорили на одном и том же языке // ¹⁰

Интересно, что «наивные носители», использующие местный говор, который не обладает литературной традицией, не считают этот критерий достаточным для того, чтобы считать его языком. Например, в департаменте Ардеш:

(5) Наш патуа – это не язык // вот провансальский – это язык / потому что был Мистраль, было произведение, у Мистраля была Нобелевская премия, так что это язык //

Подчеркнем, что с позиции активистов-окситанистов оба идиома – идиом Ардеш и Прованса – считаются вариантами одного и того же окситанского языка.

3.2. Франкопровансальский, арпитанский и савойский: собственно лингвистические черты

В арпитано-франкопровансальском / савойском контексте, где богатая литературная традиция отсутствовала, проблеме определения языка уделяется особое внимание. Для доказательства того, что франкопровансальский или арпитанский представляет собой отдельный язык, отличный как от языка *oc*, так и от языка *oïl*, используется метод, называемый вслед за Асколи «*particolar combinazione*», – метод «особой комбинации»: «Особая комбинация лингвистических признаков является соединением двух интересных черт, одна из которых не может принадлежать языку *oïl*, а другая не может принадлежать языку *oc* – двум языкам, соседним с франкопровансальским» [Tuailon 2007: 15].

В качестве основного критерия для разграничения франкопровансальского и французского (языков *oïl*) Асколи использовал эволюцию латинского ударного *a* после непалатализованного согласного, который остается *a* во франкопровансальском (и окситанском), но перешел в *é* в *oïl*:

Латинский	Франкопровансальский и окситанский	Французский
amare	ama(r)	aimer

Разграничение с провансальским проводилось на основе эволюции латинского *a* после палатализованного согласного, который переходит в *i* и *é* во франкопровансальском, но остается *a* в *oc*:

Латинский	Франкопровансальский и французский	Окситанский
manducare	mangie(r), manger	manjar

Сегодня активисты-франкопровансалисты и арпитанисты («широкая» модель) вслед за лингвистическими работами, ориентированными на широкую публику (например [Martin 2005; Bert et al. 2009]), также указывают, как правило, лишь два отличительных признака франкопровансальского / арпитанского языка: для различия с языком (языками) *oc* используется критерий, предложенный Асколи, при этом подчеркивается, что эволюция латинского *a* в *i* или *é* после палатализованного согласного привела к сосуществованию двух форм женского рода и двух парадигм окончаний глаголов 1 группы. Граница с французским (языками / говорами *oïl*) проводится на основании нового

¹⁰ С другой стороны, название языка оказывается «маркером территории»: Вальреаз был столицей так называемого Папского анклава – территории, принадлежавшей Папе Римскому, когда его резиденция находилась в Авиньоне, и, соответственно, являвшейся частью Прованса (присоединенной к Франции в 1791 г.). В этом контексте термин «провансальский» предпочитается как термину «патуа», так и термину «окситанский».

критерия – сохранения во франкопровансальском (как и в окситанском) конечных безударных гласных и, соответственно, словесного ударения.

Отметим, что постоянно апеллировать именно к этим двум идиомам вынуждает главным образом название «франкопровансальский»: доказательство самостоятельности языка строится на отрицании того, что он французский или провансальский (окситанский), посредством диахронического анализа фонологии и грамматики.

Активисты-савоярдисты («узкая» модель) также апеллируют к морфонологическим различиям, однако предполагая при этом, что, возможно, на лексическом уровне существует и ряд особенностей, выделяющих савойский среди прочих франкопровансальских идиомов. АВ, 1960, *sav*:

(6) Говорят даже о некоторых **савойских языковых фактах** (*faits linguistiques savoyardes*), Вы спрашивали, может ли савойский язык быть рассмотрен как отдельный, иногда мы задаем себе вопрос, есть **неоспоримые языковые факты, слова в словаре, специфические обороты**, которые не употребляют в Лионе //

Главный аргумент противников выделения савойского языка («широкая» модель) заключается в том, что различия между савойскими говорами столь же многочисленны, сколь и между прочими франкопровансальскими / арпитанскими говорами. LK, 1932, *fp*:

(7) Есть крайне различные формы в зависимости от долин, я знаю эти формы, и есть столько же различий между двумя савойскими долинами, сколько между этой долиной и, скажем, диалектом Сант-Этьенна // так что это фикция //

4. ИСТОРИЯ

Одним из основных аргументов в пользу того, что идиом является самостоятельным языком, во всех моделях является история его развития из латыни параллельно с французским языком. В случае окситанского воспроизводится «привычный дискурс» (*discours habituel*, как отзываются о нем сами информанты) об историческом существовании на территории современной Франции языков *oc* и *oïl*. То, что это два разных языка, доказывается через историю с отсылкой к общей культуре собеседника. МС, 1955, *oc*:

(8) Я думаю, что все-таки, если **взять средний уровень образования...** в официальной учебной программе Французской республики [написано], что в Средние века, я не знаю, это даже не очень-то было привязано к времени / нам всегда говорили, что **раньше во Франции был язык *oc* и язык *oïl***, этому нас научили // и мы примерно представляли себе, что язык *oïl* был на севере Луары, а язык *oc* на юге Луары, но что так было раньше... Если взять французские кроссворды, есть что-то вроде типичных определений, и все знают, что **старый язык (*vielle langue*) из двух букв – это *oc*...** кроссворды уже требуют определенной культуры, но старый язык это – *oc*! // Так что есть это представление о мертвом языке из прошлого на юге Франции //

Далее эта известная собеседнику в общих чертах историческая языковая ситуация переносится на современность и утверждается, что между двумя синхронными срезами, тем моментом в неопределенном прошлом и сегодняшнем днем, существует историческая непрерывность.

Сходная система аргументации наблюдается и в дискурсе активистов других движений. АВ, 1960, *sav*:

(9) Да, это **отдельный язык**, это язык, в основном, латинский, он / он развился, произошла одна вещь, то, что в один момент, ну, Римская империя распалась, и язык развивался сам по себе, как мы видели, **не было какого-то большого центра**, который бы навязался, и на протяжении веков образовалось **три больших галло-римских комплекса**, языки *oïl* на севере, языки *oc* на юге или **язык *oc***, и потом был еще франкопровансальский, что ли // ну, разумеется, слово «франкопровансальский» смущает, потому что **нет франкопровансальской нации** / но языковое единство вполне реально //

Параллельное развитие с французским языком из общего источника – латыни (а не происхождение описываемого идиoma из французского) служит доказательством того, что идиом равен французскому по своей ценности (но постоянно притеснялся последним). При этом оба могут намеренно низводиться до «диалектов латыни» или «креолей на базе латыни». AF, 1983, *arp*:

(10) Я говорю им, что **французский, испанский, каталанский, итальянский**, в конечном счете, **всего лишь диалекты латыни, как и арпитанский** // что просто у арпитанского никогда не было официального статуса, и поэтому он распался на куски (*s'est morcelé*) // ...**язык – это диалект, поддержанный армией**, и что в Арпитании армия итальянская, французская или швейцарская...¹¹

ZR, 1945, *pat*, член «патуазирующего» кружка (*patoisant*), достаточно резко отреагировал на фразу исследователя, что «патуа [франкопровансальский] в принципе похож на французский»: «Патуа похож на латынь, а не на французский!» – объяснив, что патуа – своего рода креоль на базе латыни, точно так же как на Маврикии, где он был в плавании, существует креоль на базе французского:

(11) И французский тоже **креоль на базе латыни** // но патуа происходит не от французского, а от латыни // есть некоторые слова, которые похожи на французские, но есть и те, которые невозможно понять, не зная латыни...

Кроме того, часто говорится, что местный идиом «правильнее», чем французский, так как он ближе к латыни.

5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ

Противопоставление «узкой» и «широкой» моделей иногда соотносят с противопоставлением, соответственно, политических правых и левых: такие политические коннотации особенно часто приписываются провансальскому («правые») и окситанскому («левые») языкам и движениям.

Кроме того, иногда эти модели противопоставляются в дискурсе информантов по критерию наличия или отсутствия политического наполнения: так, в «широкой» модели (окситанской или арпитанской) географическое пространство образует «страну» как потенциально политическую общность, конкурирующую с национальными государствами.

Внутри «широкой» модели противопоставление по политической окраске терминов особенно ярко проявляется в противопоставлении франкопровансалистов и арпитанистов. Наличие или отсутствие политического наполнения часто представляется единственным различием между терминами «арпитанский» и «франкопровансальский», обозначающими один и тот же идиом. Так, информант LK, 1932, *fp* упоминает название «арпитанский» в следующем контексте:

(12) Два года назад я преподавал здесь **франкопровансальский** трем студентам... которые все были членами **анархистской федерации** // И они попросили меня перевести анархистский трактат... **они называли это арпитанским**, это одно из имен франкопровансальского, ну Арпитания, свободная Арпитания (*Arpitanie, Arpitanie libre*) и так далее, **это вроде политического слогана** [смеется], меня это забавляло... я был вроде как Иисус со своими учениками [смеется].

Термин «арпитанский», предпочитаемый молодыми активистами, ассоциируется с политическими требованиями, которые «забавляют» их старших коллег. Предполагается, что в арпитанской модели то же географическое пространство, что и во франкопровансальской, образует Арпитанию как трансграничную политическую общность, конкурирующую с Францией, Италией и Швейцарией.

Арпитанисты отрицают политический смысл введения «неологизма» **а р п и т а н с к и й** (сами при этом называя его неологизмом). Этот термин объясняется как «не-

¹¹ Информант явно имеет в виду известную фразу Вайнрайха, интерпретируя ее буквально.

двусмысленное информационное средство» («outil de communication non ambigu»), созданное главным образом в ответ на отказ Министерства образования признать «франкопровансальский» язык, а также для поднятия престижа языка в глазах самих (потенциальных) носителей. NV, 1975, *arp*:

(13) Недвусмысленное имя необходимо... как для того, чтобы убедить министерство, которое прикидывается дураком, так и при общении с широкой публикой... Использование этого термина для **вопросов идентичности и националистических вопросов крайне маргинально**, ведь большинство традиционных «стран» арпитанского языкового пространства предпочитают категоризовать себя [по регионам]... Один из лучших примеров – это Савойя и «ее» язык, называемый «савойским».

Обострение противостояния приверженцев «широкой» и «узкой» моделей в случае «широких» арпитанистов и «узких» савоярдистов вызывается начавшейся в 2010–2011 гг. разработкой активной языковой политики региона Рона-Альпы: по словам информантов, представители администрации региона проявляют все больший интерес к термину «арпитанский». NV, 1975, *arp*:

(14) Активисты-регионалисты в Савойе видят в появлении слова «арпитанский» угрозу и противостоят ему, так как они думают, что этот термин сможет придать легитимность [региону] Роне-Альпам... наперекор возможности эмансипации региона Савойя.

Существование «арпитанского», то есть «альпийского», языка на территории нынешнего региона Рона-Альпы потенциально легитимирует существование самого региона, созданного, как и прочие регионы Франции, безотносительно какого бы то ни было культурно-исторического единства. Это видение конкурирует с репрезентацией Савойи как особого культурного единства, ярким маркером которого является савойский язык, и воспринимается как препятствие для политического проекта создания отдельного французского / европейского региона Савойя, объединяющего два нынешних департамента, существующих в рамках региона Рона-Альпы, Савойю и Верхнюю Савойю¹².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При анализе дискурсивных стратегий языковых активистов в обеих выделяемых нами моделях оказывается, что «Язык» – это идиом со своей письменностью и, желательно, с литературной традицией, происходящий из латыни, то есть из того же источника, что и доминирующий французский язык, но не из самого доминирующего языка, и существующий на территории шире, чем узко локальной. Показательно, что собственно лингвистические черты (фонологические, морфологические и лексические) значимы, лишь когда другие аргументы не действуют (у франкопровансальского / арпитанского / савойского нет литературной традиции).

Обе модели интерпретации языка и идентичности исходят из этих критериев определения языка, при этом «широкая» (окситано-арпитанская) модель предполагает существование обширной трансграничной языковой общности, потенциально – политической, с единым орфографическим стандартом, а «узкая» (провансальско-савойская) – существование культурной специфики, маркером которой является местный язык, у конкретной исторической провинции, Прованса или Савойи, которая при этом также может представлять собой отдельную политическую единицу.

Сравнение этих двух моделей в дискурсе строится на противопоставлении «народа» («узкая» модель) и «интеллектуалов» или «элиты» («широкая» модель), «естественного» («узкая») и искусственного («широкая» модель) языков, а также политических правых и левых.

¹² Информанты-арпитанисты указывают на парадокс ситуации, заключающийся в том, что они сами – савойцы, и, борясь за признание арпитанского языка для всей Арпитании, в первую очередь думали о Савойе, а в результате оказались врагами савоярдистов.

В институциональном аспекте, к которому апеллируют все информанты, в настоящий момент сильнее оказывается «широкая» модель: идет процесс признания именно окситанского и франкопровансальского языков, а также, в самое последнее время, появляется интерес к арпитанскому языку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алисова, Челышева 2001 – Т.Б. Алисова, И.И. Челышева. Романские языки // Языки мира. Романские языки. М., 2001.
- Бородин 1982 – М.А. Бородин. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // ВЯ. 1982. № 5.
- Древняя и Новая Романия 2007 – Древняя и Новая Романия. Актуальные проблемы романистики. 2007. Вып. 7.
- Романские языки 2007 – Романские языки в прошлом и настоящем: Сб. статей к 80-летию профессора Т.А. Репиной. СПб., 2007.
- Челышева 2010 – И.И. Челышева. Миноритарные романские языки и проблема создания языковой нормы // Вопросы филологии. 2010. № 1. http://journal.mosinyaz.com/page_53_34/
- Языки мира 2001 – Языки мира. Романские языки. М., 2001.
- Ascoli 1878 (1873) – G.I. Ascoli. Schizzi franco-provenzali // Archivio glottologico italiano. 1878 (1873). V. III.
- Bert et al. 2009 – M. Bert, J. Costa, J.-B. Martin. Etude FORA (Francoprovençal et Occitan en Rhône-Alpes). 2009. http://icar.univ-lyon2.fr/projets/ledra/documents/Etude_FORA_rapport_definitif.pdf
- Bourdieu 1980 – P. Bourdieu. L'identité et la représentation. Eléments pour une réflexion critique sur l'idée de région // Actes de la recherche en sciences sociales. 1980. № 35.
- Castan 1995 – F.-M. Castan. Pour l'Institut d'études occitanes... 1945–1964 // L'I. E. O. e l'occitanisme dempuèi 1945. Estudis occitans, revista d'escambis e de recèrca de l'Institut d'Estudis Occitans. 1995. № 18.
- Cerquilini 2003 – B. Cerquilini. Les langues de France. Paris, 2003.
- Haugen 1966 – E. Haugen. Dialect, language, nation // American anthropologist. 1966. V. 68.
- Martin 2005 – J.-B. Martin. Le francoprovençal de poche. Chennevières-sur-Marne, 2005.
- Posner 1996 – R. Posner. The Romance languages. Cambridge, 1996.
- Stich 2003 – D. Stich. Dictionnaire francoprovençal / français, français / francoprovençal: Dictionnaire des mots de base du francoprovençal: Orthographe ORB supradialectale standardisée. Thonon-les-Bains, 2003.
- Tuaillon 2007 – G. Tuaillon. Le francoprovençal. Tome premier: Définition et délimitation. Phénomènes remarquables. Vallée d'Aoste, 2007.

Сведения об авторе:

Наталья Михайловна Бичурина
Европейский университет в Санкт-Петербурге
natalya_bichurina@yahoo.com